

ОЛЕГ МИХАЙЛОВ

СТРОГИЙ ТАЛАНТ

ПРОЛОГ

Дом в два этажа, типично провансальский, медленно ветшающий, с трещинами в желтых шероховатых стенах. Внизу — столовая и рабочий кабинет, вверху — спальня, комнаты для гостей, все скромное, бедно обставленное.

За столом худой пожилой человек: остроугольная, когда-то русо-каштановая, а теперь седая голова, бритое породистое лицо, выцветшие синие глаза. Он берет одну из ручек (на столе их много, у него страсть к ватермановским ручкам и золотым перьям), на лист ложатся горькие строки:

«И идут дни за днями, сменяется день ночью, ночь днем — и не оставляет тайная боль неуклонной потери их — неуклонной и бесплодной, ибо идут в бездействии, все только в ожидании действия и — чего-то ещё... И идут дни и ночи, и эта боль, и все неопределенные чувства и мысли, и неопределенное сознание себя и всего окружающего и есть моя жизнь, не понимаемая мной».

Он встает, легкий, юношески стройный, подходит к окну. В тысячный раз смотрит он на черепичные крыши лежащего внизу Грасса, на зеленую одежду гор Эстереля и на голубую стену встающего на горизонте такого прекрасного и такого чужого Средиземного моря. Печаль по ушедшей весне жизни, печаль по оставленной им навсегда России, по родному дому томит его.

«И вот дни и годы уже туманятся и сливаются в памяти,— многие дни и годы моих дальнейших скитаний, постепенно ставших для меня обычным существованием, определившимся неопределенностью его, узаконенной бездомностью, длящейся даже и донныне, когда надлежало бы мне иметь хоть какое-нибудь свое собственное и постоянное пристанище, на смену чужих стен,— теперь, уже почти два десятилетия, французских,— мертвым языком говорящих о чьих-то неизвестных, инобытных жизнях, прожитых в них». Он и мысли не допускает, что его могут принять на родине, в Советской России. О том, что там происходит, он узнаёт только по французским и эмигрантским газетам... Правда, были еще и случайные встречи. Как-то к нему на дачу заглянул знакомый с неким господином и дамой. Оказалось, что это голландский концессионер с женой, приехавшие прямо из Ленинграда. С заметным акцентом голландец воодушевленно рассказывал: «О, у нас все кипит! Все строится. В сорок дней мы строим города на месте болота. Россия залита электрическим светом, в портах грузятся корабли, вывоз огромный, и как все приготовлено! Как доски распилены!..» Говорили и о писателях. Он стал расспрашивать об Алексее Толстом и услышал, что тот отлично живет, что у него своя дача, прекрасная обстановка и что Толстой жалеет здешних...

Он был потрясен, разволновались и все близкие. «У нас в Ленинграде» — они услышали это в первый раз.

А вскоре после того, в людном парижском кафе, за скромным обедом (деньги от Нобелевской премии 1933 года* уже на исходе), он получил через гарсона записку: «Иван, я здесь, хочешь видеть меня? А. Толстой»...

И тотчас же в душе поднялись и давняя любовь, и нежность, и ревность к иначе и счастливо сложившейся судьбе. Он видел в Алексее Толстом натуру столь же одаренную, сколь и легкомысленную, считал, что возвращение его на родину было продиктовано

стремлением «хорошо жить», но как-то, прочтя «Петра Первого», пришел в совершенный восторг. Не долго думая, сел за стол и послал на имя Толстого в редакцию «Известий» открытку: «Алеша! Хоть ты и... но талантливый писатель. Продолжай в том же духе».

Все это вспомнилось мгновенно, он встал и направился в ту сторону, которую указал ему гарсон. Толстой тоже уже шел ему навстречу. И зорким своим, беспощадным к себе и другим, писательским взглядом Бунин сразу успел подметить : не тот Алихан, Алешка, что пятнадцать лет назад. Вся крупная фигура Толстого похудела, волосы поредели, большие роговые очки заменили пенсне. Как только они сошлись, Толстой произнес скороговоркой:

— Можно тебя поцеловать, не боишься большевика?

И пока усаживались за столик, продолжал:

— Страшно рад видеть тебя и спешу тебе сказать, до каких же пор ты будешь сидеть тут, дожидаясь нищей старости? В Москве тебя с колоколами бы встретили, ты представить себе не можешь, как тебя любят, как тебя читают в России...

Он перебил, шутя:

— Как же это с колоколами, ведь они у вас запрещены.

Толстой забормотал сердито, но с горячей сердечностью:

— Не придирайся, пожалуйста, к словам. Ты и представить себе не можешь, как бы ты жил...

Он поспешил тогда переменить разговор.

Да, трудно жить в эмигрантской неустроенности, бедности. Но самое тяжкое остаться без родины. Жить только писанием, творчеством? Даже для него, мученика, подвижника литературы, это невозможно. Снова чертит перо знаки на листе, сплетаются буквы в слова, слова в строчки, несущие его боль, его муку: «Две трети сил своей жизни я убил на этот будто бы необходимый для меня труд. Но жил все-таки не затем, чтобы только писать. Хотел славы, похвал, даже посмертной памяти (что уже бессмысленнее всего). Но всегда содрогался от мысли о том, что вот будут после моей смерти (без меня) сохнуть на полках библиотек мои книжки, от представления о моем бюсте на могиле под кладбищенской сенью или в каком-нибудь городском сквере... На постаменте надпись: «такому-то», а к чему все это? Кто об этом «таком-то» думает?»

Если бы кто-нибудь сказал ему теперь, что совсем иная судьба уготована ему на родине, что сочинениям его не суждено сохнуть на библиотечных полках — к ним будет непрерывно расти читательский интерес, они будут издаваться полумиллионными тиражами, станут выходить все новые книги о его сложной и трагической жизни, все новые исследования о его творчестве,— он, очевидно, взорвался бы, обозвал такого человека лжецом, а позже, снова уйдя в себя, долго бы думал.

И одна и та же мысль неотступно возвращается к нему:

«Разве можем мы забыть родину? Может человек забыть родину? Она — в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает...»

Жизнь, судьба, творчество Бунина глубоко поучительны. Писатель, тяготеющий к дворянской культуре и ее идеалам, он стал художником XX столетия и прожил к тому же огромную творческую жизнь: первые его произведения были написаны, когда их автору не было и шестнадцати лет; смерть прервала в ноябре 1953 года работу восьмидесятитрехлетнего Бунина над книгой о Чехове. Таким образом, его творческая биография длилась без малого семьдесят лет!

В эти семь десятилетий родина Бунина пережила события огромного, всемирно-исторического значения. Общественно-демократический подъем 1890-х годов и первая русская революция, мировая война, Февральская, а затем Октябрьская революция, преобразовавшая Россию в Союз Советских Социалистических Республик и оказавшая гигантское воздействие на судьбы всего человечества, наконец, Отечественная война 1941—1945 годов — таковы крупнейшие события, свидетелем которых оказался Бунин.

Для русской литературы этот отрезок времени был необычайно насыщенным и богатым. И творчество последних титанов критического реализма прошлого столетия — Толстого и Чехова; и борьба реалистической литературы с декадентством; и произведения талантливых прозаиков—«знаниевцев»; и формирование метода социалистического реализма, основоположником которого явился Горький, метода, широко раскрывшего свои возможности в творчестве советских писателей.

Какое место занимает творчество Бунина в этой огромной панораме? Характеристика Бунина-художника невозможна вне установления его литературной генеалогии, его места в ряду как предшественников — великих писателей XIX века, так и современников — прозаиков и поэтов нашего столетия, а кроме того, тех, кто и сам испытал воздействие Бунина. В сплаве эпохи, насыщенной революционными потрясениями, жизненного опыта писателя, социальных и эстетических традиций, своеобразия таланта выявляются основные тенденции бунинского творчества, заметно меняющегося от 1890-х годов к началу 1900-х и далее — в 1910-х годах.

Рассматривать путь Бунина-художника следует не только с 1890-х годов до 1917 года. И в условиях эмиграции, в продолжение тридцати с лишним лет, Бунин оставался крупнейшей и совершенно особой фигурой в литературе. Его реалистический метод, его художественный стиль, его проблематика продолжали меняться и в новой обстановке, что также требует своего осмысления и объективной оценки. Лучшие бунинские произведения эмигрантской поры — роман «Жизнь Арсеньева», рассказы «Митина любовь», «Солнечный удар», «Косцы», книга прозы «Темные аллеи», мемуарно-философский трактат «Освобождение Толстого» — также принадлежат русской литературе и неотделимы от нее.

ЮНОСТЬ

Сухощавый, синеглазый, изящный, с боковым пробором русо-каштановой головы и своей знаменитой эспаньолкой, он казался современникам верхом сдержанности, холодной насмешливости, строгости и самолюбивой чопорности. С людьми сходилась непросто, оставаясь у какой-то границы, обозначавшей доверительную интимность, не переходил ее (как это было, скажем, в отношениях с Куприным или Шаляпиным) или даже делил дружбу с некоей потаенной внутренней неприязнью (такие противоречивые отношения сложились у него с Горьким).

Сдержанность и холодность Бунина были, однако, внешним защитным покровом. В откровенности, особенно при домашних, он был не в меру вспылчив, ядовито резок, за что в семье его называли «Судорожным».

Остроумный, неистощимый на выдумку, он был столь одарен артистически, что Станиславский уговаривал его войти в труппу МХАТа и сыграть роль Гамлета. О его феноменальной наблюдательности в литературных кругах ходили легенды: всего три минуты понадобилось ему, по свидетельству Горького, чтобы не только запомнить и

описать внешность, костюм, приметы, вплоть до неправильного ногтя у незнакомца, но и определить его жизненное положение и профессию.

Талант его, огромный, бесспорный, был оценен современниками по достоинству не сразу, зато потом, с годами, все более упрочивался, утверждался в сознании читающей публики. Его уподобляли «матовому серебру», язык именовали «парчевым», а беспощадный психологический анализ — «ледяной бритвой». Чехов незадолго до смерти просил Телешова передать Бунину, что из него «большой писатель выйдет». Л. Толстой сказал о его изобразительном мастерстве: «Так написано, что и Тургенев не написал бы так, а уж обо мне и говорить нечего». Горький назвал его «первейшим мастером в современной литературе русской».

Он родился чуть более ста лет назад, поздней осенью, в глубинной России, рос в ее плодородном орловском и елецком подстепье, и поздняя осень осталась навсегда его самой любимой темой, заветной песнью:

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва...

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном монотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

«С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась. Ветер по целым дням рвал и трепал деревья, дожди поливали их с утра до ночи. Иногда к вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западе трепещущий золотистый свет низкого солнца; воздух делался чист и ясен, а солнечный свет ослепительно сверкал между листвою, между ветвями, которые живою сеткою двигались и волновались от ветра. Холодно и ярко сияло на севере над тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а из-за этих туч медленно выплывали хребты снеговых гор-облаков».

...И вот уж дымы
Встают столбами на заре,
Леса багряны, недвижимы.
Земля в морозном серебре,
И в горностаевом шугае,
Умывши бледное лицо.
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.

У Бунина почти не найдешь пейзажей, залитых горячим летним солнцем, как на полотнах Льва Толстого. Даже для любви — любви-воспоминания — он находит иное созвучие с природой (как в «Одиночестве»): «И ветер, и дождик, и мгла над холодной пустыней воды. Здесь жизнь до весны умерла, до весны опустели сады...»

Чисто и звонко, выверяя каждое слово на хрустальном своем камертоне, воспел он русские Осенины...

Родился он в октябре, исстари почитавшемся на Руси месяцем поминовения, месяцем памяти о родителях, о предках, отошедшая жизнь которых в бесконечной смене обновляющихся поколений не переставала волновать Бунина-художника. Речь идет, понятно, не только о пристальном сыновнем внимании к собственным отчич и дедич, хотя гордость за свою родословную, дворянский быт и культура, специфика уклада целого социального пласта, безвозвратно смытого временем в «летейские воды», — все это повлияло на «жизненный состав» писателя и сложной амальгамой осталось в его творчестве.

«Очень русское было все то, среди чего жил я в мои отроческие годы», — вспоминал Бунин. Хлеба, подступавшие летом к самым порогам; крестьянские песни и предания; рассказы отца, участвовавшего — точно в древности — с собственным ополчением в Севастопольской обороне; «дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьянных корешках», — все было Россией-Затухающие традиции «усадебной культуры * именно в творчестве Бунина сказались особенно явно.

Среди представителей демократической интеллигенции 900-х годов (В. Вересаев, А. Куприн, Н. Телешов, И. Шмелев), среди разночинцев (С. Гусез-Оренбургский, С. Петров-Скиталец), писателей пролетарских (М. Горький, А. Серафимович) фигура Бунина выглядит живым анахронизмом. Разве важно для понимания творчества Л. Андреева, что он внук предводителя орловского дворянства?

А для Бунина — как для него самого, так и для его творчества — оказалось важным, что род его «происходит от выехавшего к великому князю Василию Васильевичу из Польши мужа знатного Симеона Бунковского. Правнук его, Александр Лаврентьев, сын Бунин служил по Владимиру и убит под Казанью. Стольник Козьма Леонтьев сын Бунин, в 1676 году от государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича за службу и храбрость пожалован на поместья грамотою...» — как о том повеет «Гербовник дворянских родов». Недаром современники (а среди них Чехов и Горький) связывали достоинства и недостатки творчества и даже характера Бунина с принадлежностью его к отмирающей «благородной корпорации».

Сам писатель сказал о своем родительском гнезде: «Я происхожу из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы, сын Афанасия Бунина... Все мои предки были связаны с народом и землей, были помещиками». Мы знаем и многие другие подобные бунинские высказывания, помним, как часто и с какой неподдельной гордостью говорил он о своем дворянском корне, как волновала его романтическая история предков, с какой горечью он повторял: «Ни лицейских садов, ни царскосельских озер и лебедей, ничего этого мне, потому что «промотавшихся отцов», в удел уже не досталось».

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66